

УДК 82.0

Любецкая Виктория,
кандидат филологических наук,
старший преподаватель,
Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова

**АНТИНОМИКА КАК ФОРМА АТЕИЗМА
В «БРАТЬЯХ КАРАМАЗОВЫХ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО**

У даній статті осмислюється складна філософська проблема – проблема антиномії, яка пов'язана з діалектичністю процесу пізнання. У творах Ф. М. Достоевського присутня антиноміка, проте вона не є визначальним творчим принципом письменника. У романі

«Брати Карамазови» розглядається антиномічна думка Івана Карамазова про неприйняття світу божого, але прийняття Творця. Однак, не приймаючи світу божого, людина вже не приймає і Бога, хоча може стверджувати зворотнє. Цей поділ призводить в результаті до атеїзму, до богоборства та духовної загибелі героя.

Ключові слова: діалектика, антиноміка, цілокупність, мислення, роман, трагедія.

Liubetska V. Antinomies as a form of atheism in «Karamazov Brothers» by F. M. Dostoevsky.

This article addresses a complex philosophical problem – the problem of antinomy, which is associated with the dialectical nature of the cognition process. In the works of F. M. Dostoevsky there is an antinomic, but it is not the defining creative principle of the writer. In the novel «Karamazov Brothers» the antonymous thought of Ivan Karamazov is considered with the rejection of God's world, but the acceptance of the Creator. However, by not accepting of God's world, human no longer accepts God, although he can assert the opposite. This division leads eventually to atheism, to theomachy and the spiritual death of the hero.

Key words: dialectic, antinomy, totality, thinking, novel, tragedy.

Творчество Ф. М. Достоевского всегда привлекало исследователей. Наиболее интересными являются работы, посвящённые поэтике, стилю, гуманистическим идеям писателя (М. М. Бахтин, Н. А. Бердяев, К. Н. Леонтьев, В. С. Соловьёв, Ю. И. Селезнёв). Необходимо отметить и современных учёных, изучающих художественное наследие Ф. М. Достоевского: Е. А. Быстрову, И. Д. Гажеву, Т. А. Касаткину, Р. Г. Назирова, Г. К. Щенникова.

Одним из распространённых убеждений относительно произведений Ф. М. Достоевского является мысль о том, что определяющим творческим принципом в них является антиноміка. В. И. Иванов именно на этой основе определяет жанровое своеобразие произведений Ф. М. Достоевского, соотнося трагедию с романами писателя [1, с. 282–311]. В свою очередь, Я. Э. Голосовкер полагал, что в антиномиях состоит «секрет» не только романа «Братья Карамазовы», но «и секрет самого автора романа – Достоевского» [2, с. 34]. Однако думается, что это убеждение ошибочно, о чём решительно заявлял М. М. Бахтин: «И диалектика, и антиноміка действительно наличествуют в мире Достоевского. Мысль его героев действительно иногда диалектична или антиномічна. Но все логические связи остаются в пределах отдельных сознаний и не управляют событийными взаимоотношениями между ними» [3, с. 13]. Причиной подобного заблуждения, поясняет А. В. Домашенко, является, прежде всего, «отсутствие ясности в понимании

самого термина»: *«Любое противоречие, присутствующее в том или ином произведении, мы с готовностью именуем антиномией, при этом забывая, что антиномия действительно указывает на противоречие, но не всякое противоречие – антиномия»* [4, с. 112]. Антиномия, в отличие от противоречия, не возникает в результате ошибки в рассуждении. Такую ошибку вполне возможно устранить, тогда как для устранения антиномии необходимо значительное изменение самой теории.

Отметим, что в философскую науку термин «антиномия» был введён Р. Гоклениусом («Философский словарь», 1613). И. Кант в «Критике чистого разума» (1781) выводит механизм возникновения антиномии в системе суждений о бытии: человек стремится осмыслить бытие, мир как единое целое, однако такое осмысление затруднительно в силу того, что человеческий разум склонен выявлять неизбежные противоречия, что делает возможным обоснование и утверждения (тезиса), и отрицания (антитезиса). Философ пишет: *«Антиномия чистого разума показывает трансцендентальные основоположения мнимо чистой (рациональной) космологии не для того, чтобы признать их состоятельными и усвоить их, а – как это видно уже из названия противоречия разума – для того, чтобы изобразить их как несогласимую с явлениями идею в её сияющем, но ложном блеске»* [5]. Как видим, по мысли И. Канта, антиномии выражают противоречивое состояние человеческого разума, это глубокий онтологический *«спор разума с самим собой»*.

Г. В. Ф. Гегель развивает теорию И. Канта об антиномиях, утверждая, что каждая категория и понятие антиномичны в силу того, что противоречие есть неотъемлемая объективная характеристика развивающегося духа, исторического мышления и бытия в целом. Антиномии для Г. В. Ф. Гегеля – свидетельство диалектического характера познания. Сталкиваемся мы с таким феноменом как антиномия и в художественном произведении в тех случаях, когда человеческий разум не может успокоить себя воображаемой уверенностью, *«вызываемой односторонней видимостью, но в то же время*

вводит его в искушение» или предаётся «безнадежному скептицизму», или усваивает «догматическое упрямство» и упорно защищает «определённые утверждения, не прислушиваясь к доводам противников и не воздавая им справедливости» [5].

В данной статье предлагаем предметный разговор о романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» в аспекте выраженной в нём антиномии.

Заметим, что в XXI в. творческое наследие Ф. М. Достоевского остаётся одним из самых изучаемых. Исследователями постоянно открываются новые грани писательского гения и его идей.

Особое место в творческом наследии писателя занимает роман «Братья Карамазовы» – шедевр мировой литературы, опирающийся на европейскую литературную традицию и вступающий в диалог с произведениями В. Шекспира, И. В. Гете, В. Гюго. «Братья Карамазовы» – это итоговое произведение Ф. М. Достоевского: в нём собраны воедино многие мотивы, сюжеты, образы предыдущего творчества писателя. В этом романе не впервые, но особенно остро поставлены главные вопросы человеческого бытия: о смысле жизни, о нравственности и духовности, о праве и силе, о смирении и гордыни, о вере и безверии.

Истоки романа восходят к глобальным писательским замыслам – «Атеизм» (1868–1869) и «Житие великого грешника» (1869–1870). В 1878 году возникает замысел большого романа о нравственных мытарствах Алексея Карамазова и его братьев, один из которых – тип Атеиста, второй – в определённом смысле фанатик, а третий – монастырский послушник, уходящий в мир.

Для понимания романа в целом важно учитывать его религиозно-нравственный аспект и, конечно, предложенное автором решение проблемы богоборчества, которая представляет собой сложный комплекс религиозно-философских, историософских, антропологических и социальных идей. Представленная в итоговом романе Ф. М. Достоевского проблема

богоборчества позволяет наиболее адекватно оценить целостное мировоззрение писателя.

Сложная фабула романа «Братья Карамазовы» призвана раскрыть человека в разных аспектах, с разных сторон. В романе, указывает Н. Бердяев, открываются *«вечные стихии человеческого духа»: «В глубине человеческой природы он раскрывает Бога и дьявола, и бесконечные миры... Художество Достоевского совсем особого рода. Он производит свои антропологические исследования через художество, вовлекающее в самую таинственную глубину человеческой природы»* [6]. Проблема о человеке ставится в страстной и напряжённой атмосфере *«человеческой множественности»* [6]. В «Братьях Карамазовых» писатель стремится к «полному реализму» не только в изображении подробностей быта и душевной жизни персонажей, но также и при воссоздании духовного облика героев. В письме К. П. Победоносцеву от 19 мая 1879 г. он отмечал, что его Иван, как все «теперешние деловые социалисты», уже не отвергает бытие Божие, а отрицает изо всех сил *«создание Божие, мир Божий и смысл его ... Таким образом, льщу себя надеждой, что даже и в такой отвлечённой теме не изменил реализму»* [7, с. 119–127]. Заметим, Иван – мировая загадка, он проблема человека вообще: *«И всё, что связано у Достоевского с Иваном Карамазовым, есть глубокая метафизика человека. Соучастие Ивана Карамазова в убийстве, совершённом Смердяковым – этой другой его половиной, – угрызение совести Ивана, разговор с чёртом – всё это антропологический эксперимент, исследование возможностей и невозможностей человеческой природы, её с трудом уловимых, тончайших переживаний внутреннего убийства»* [6].

Итак, мысль среднего брата, Ивана Фёдоровича, о неприятии мира божьего является антиномичной. В разговоре он заявляет младшему брату Алёше: *«Я не Бога не принимаю, пойми ты это, я мира, им созданного, мира-то божьего не принимаю и не могу согласиться принять»* [8]. Разделяя Бога Творца и мир как Его творение, Иван, конечно, идёт дальше в своём отрицании: *«И действительно человек выдумал Бога»*, – говорит Иван Фёдорович с

тоской [8]. Что значит неприятие мира божьего? Это значит, что человек уже не принимает и Бога, хотя утверждает обратное. Весомость истины ведёт к пониманию Алёшей сущности мировоззрения брата: *«Он совершенно знал, что брат его атеист»* [4, с. 113].

«Нераздельность и неслиянность» горнего и дольного объективируется в образах Алеши и старца Зосимы, сопричастных единой истине. Даже для Дмитрия Фёдоровича *«все противоречия вместе живут»* в Красоте, и только «умный» брат Иван не соединяет, а разделяет всё то, что должно изначально быть единым. А. В. Домашенко справедливо замечает по этому поводу: *«Сущность антиномики наиболее точно выявляется в актуальной для Ивана Карамазова формуле “или-или”. Антиномика – это форма атеизма, о чём свидетельствуют приведённые выше слова Алеши о брате Иване. Вспомнив судьбу Ивана Фёдоровича, мы можем утверждать, что антиномика – это форма без-умия, если ум понимать в контексте халкидонского вероопределения. Безумие Ивана Фёдоровича, таким образом, – вовсе не проблема психологии, но результат глубинного сдвига некоторых фундаментальных основ человеческого существования, утраты “онтологического понимания мира” (о. Павел Флоренский)»* [4, с. 114–115]. Иван Фёдорович ставит человеческий разум на место Бога, его «бунт» страшен тем, что от атеизма он переходит к богоборчеству, заставляя даже Алешу взглянуть на мир в соответствии с принципом «или-или». Для Ивана мир стоит на нелепостях, *«и без них, может быть, в нём совсем ничего бы и не произошло»* [8]. Трагедия Ивана в том, что он становится главным виновником убийства отца – Фёдора Павловича. Это он проповедовал, что Бога нет, а Смердяков это принял и сделал вывод о том, что всё позволено в мире без Бога. На вопрос Фёдора Павловича Карамазова *«Есть Бог или нет?»* Иван отвечает отрицательно: *«... есть Бог или нет? Только серьёзно! Мне надо теперь серьёзно. – Нет, нету Бога. – Алёшка, есть Бог? – Есть Бог. – Иван, а бессмертие есть ... – Нет и бессмертия ... Алёшка, есть бессмертие? – Есть. – И Бог, и бессмертие? – И Бог, и бессмертие. В Боге и бессмертие ...*

Иван? В последний раз и решительно: есть Бог или нет? – И в последний раз нет. – Кто же смеётся над людьми, Иван? – Чёрт, должно быть, – усмехнулся Иван Фёдорович. – А чёрт есть? – Нет, и чёрта нет» [8].

Отрицание Иваном Бога порождает зловещую фигуру Инквизитора. В романе неизбежно появляется «Легенда о Великом Инквизиторе» как гимн Христу. Христос приходит на землю, он появляется в Севилье. Люди узнают Его, Он излучает свет, благословляет, творит чудеса. Но Великий Инквизитор, «*девяностолетний старик, высокий и прямой, с иссохшим лицом и впалыми глазами*» [8], велит страже заключить Христа в тюрьму. Ночью Великий Инквизитор приходит к Нему и начинает говорить с Ним. Весь длинный монолог Великого Инквизитора направлен против Христа и Его учения. Великий Инквизитор не принимает Бога и мира Его, и, обвиняя Христа, он оправдывает эту антиномию. Христос остаётся безмолвным: «*Старику хотелось бы, чтобы тот сказал ему что-нибудь, хотя бы и горькое, страшное. Но Он вдруг молча приближается к старику и тихо целует его в его бескровные, девяностолетние уста. Вот и весь ответ. Старик вздрагивает. Что-то шевельнулось в концах губ его: он идёт к двери, отворяет её и говорит ему слова, которые страшнее даже голгофских гвоздей: “Ступай, ступай и не приходи более. Не приходи вовсе... Никогда! никогда!”*» [8]. Иван окончил рассказ о Великом Инквизиторе: старик даже после поцелуя, горящего «*на его сердце*», «*остаётся в прежней идее*» [8]. Алёша очень быстро разгадал «тайну», а точнее дьявольский «секрет» Великого Инквизитора: «*Инквизитор твой не верует в Бога, вот и весь его секрет*» [8]. Появление и молчание Христа – лучший ответ, опровергающий все обвинения Великого Инквизитора. Христос любит любого человека, даже того, кто не любит и не хочет любить Его, потому что Он пришёл не разделить, а объединить и спасти людей. Для своего спасения мир нуждается в такой высшей любви, в подлинном свете высшей правды. Алёше после пережитого им «видения преображенного мира» открывается то, что недоступно Ивану в его безысходно антиномичном мире:

«Иван не понимает, как может простить мать замучившего ребенка. Алёша понял: в новом мире прощают “за всех, за всё и за вся”» [9, с. 538].

«Расщепление» (одно «вместо» другого, «или-или») благодатного «вместе» есть действительная антиномия, в соответствии с реальным смыслом самого слова. Ивана мучает созданная им антиномическая теория: ведь он не самодовольный безбожник, а высокий ум и «*сердце высшее*». Ясновидец Зосима сразу открыл тайну Ивана – его сознание разрывается между верой и неверием. Старец говорит ему так: *«Идея эта ещё не решена в вашем сердце ... В этом ваше великое горе, ибо настоятельно требует разрешения... Но благодарите Творца, что дал вам сердце высшее, способное такой мукой мучиться, “горняя мудрствовати и в горних искати наше бо жительство на небесех есть”» [8].* В конце разговора Зосима высказывает такое пожелание: *«Дай вам Бог, чтоб решение сердца вашего постигло вас ещё на земле, и да благословит Бог пути ваши» [8].* К сожалению, главным «деянием» брата Ивана становится «благословение» на убийство. Он ускользает от земного суда, но несёт наказание высшее, теряя разум, который он превозносит более всего: *«Одет он был безукоризненно, но лицо его на меня по крайней мере произвело болезненное впечатление: было в этом лице что-то как бы тронутое землей, что-то похожее на лицо помирающего человека. Глаза были мутны...» [8].* В портрете Ивана присутствовали демонические черты ещё до раздвоения и появления в его сознании чёрта, но в главе «Чёрт. Кошмар Ивана Фёдоровича» открывается весь ужас его нового положения. Чёрт, которого для Ивана нет, издевается над ним и изводит его. В те самые минуты, когда Смердяков умирает в петле, чёрт говорит Ивану следующее: *«Но колебания, но беспокойство, но борьба веры и неверия – это ведь такая иногда мука для совестливого человека, вот как ты, что лучше повеситься» [8].* Иван, как и брат его по отцу Смердяков, мучился в «горниле сомнений» всю свою жизнь. Так и не сумев обрести веру в Бога, он окончательно убедился в существовании черта. Показательно, что с чёртом Иван ведёт разговор о Боге и задаёт ему тот же вопрос, который задавал им с братом Алёшей отец: *«Уж и ты в Бога не*

веришь? – ненавистно усмехнулся Иван. – То есть как тебе это сказать, если ты только серьёзно... – Есть Бог или нет? – опять со свирепой настойчивостью крикнул Иван. – А, так ты серьёзно? Голубчик мой, ей-богу, не знаю, вот великое слово сказал» [8]. Чёрт лукавит и обманывает Ивана, и чёткого ответа не даёт. До самоубийства дело не доходит, Иван кончает сумасшествием.

Итак, отрицание мира божьего есть отрицание Бога. Понятно, что подобные антиномичные мысли приводят героя к трагическому исходу – помутнению рассудка. В антиномическом противоборстве остаётся тот, кто не способен *«примкнуть к хору»* (по мысли Ф. М. Достоевского).

В романе антиномика объективирована в образе Ивана Карамазова, это предмет изображения, но не творческий принцип или форма видения целого мира Ф. М. Достоевского. Считаем, что при анализе произведений писателя следует учитывать следующее: *«творчество – исход из двойственности, а не установка на неё»* [10, с. 269].

В связи с этим хотелось бы подчеркнуть, что определяющим и глубинным принципом романного творчества Ф. М. Достоевского является принцип соборного сознания, который есть высшая форма общения, по сравнению с полифонией (М. М. Бахтин) или антиномией.

Понимание сущности антиномии в художественном произведении должно быть соотнесено с предшествующей традицией её понимания. В дальнейших исследованиях об антиномическом противоборстве стоит говорить как об одном из возможных принципов завершения эстетического целого.

Литература

1. Иванов В. И. Родное и вселенское / В. И. Иванов. – М. : Республика, 1994. – 428 с.
2. Голосовкер Я. Э. Достоевский и Кант / Я. Э. Голосовкер. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – 105 с.

3. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – М. : Худож. лит., 1972. – 470 с.
4. Домашенко А. В. Об интерпретации и толковании : монография / А. В. Домашенко. – Донецк : ДонНУ, 2007. – 277 с.
5. Кант И. Критика чистого разума [Электронный ресурс] / И. Кант ; пер. – Режим доступа : <http://www.psylib.ukrweb.net/books/kanti02/txt16.htm>.
6. Бердяев Н. Откровение о человеке в творчестве Достоевского [Электронный ресурс] / Н. Бердяев. – Режим доступа : http://yakov.works/library/02_b/berdyayev/1918_301.html.
7. Белов С. В. Ф. М. Достоевский. Энциклопедия / С. В. Белов. – М. : Просвещение, 2010. – С. 119–127.
8. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы [Электронный ресурс] / Ф. М. Достоевский. – Режим доступа : <https://ilibrary.ru/text/1199/p.35/index.html>.
9. Мочульский К. В. Гоголь. Соловьев. Достоевский / К. В. Мочульский. – М. : Республика, 1995. – 607 с.
10. Селезнёв Ю. И. В мире Достоевского / Ю. И. Селезнёв. – М. : Современник, 1980. – 376 с.